

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Соцреализм в отдельно взятой стране</i>	7
<i>Глава первая. «Не судите, да не судимы будете»: Очерк истории Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства</i>	30
Культ Вождя, отлитый в золоте: Институциональный облик высшей советской награды	30
Сталинская премия глазами человека моего поколения: Архивный след и проблема источников	42
Между «относительно хорошим» и «абсолютно хорошим»: Комитет по Сталинским премиям в поисках «выдающихся произведений»	54
<i>Глава вторая. 1934–1940: Сталинская премия по литературе и институционализация формирования советского эстетического канона</i>	65
«Нас вырастил Сталин...»: На подступах к оформлению соцреалистического канона	65
Необходимость «выбирать»: Сталинский любимец в литературных декорациях	71
«Количество премий — элемент формальный...»: Обретение соцреалистического многообразия	84
<i>Глава третья. 1941–1945: Фабрикация литературного оружия, или Война, застывшая в слове</i>	111
Война институций: Союз советских писателей и Всесоюзный комитет по делам искусств в 1940-е годы	117
Сталинские премии по литературе за 1941 год: Воскрешение Истории и перерождение Хозяина в Государя	129
Сталинские премии по литературе за 1942 год: «Эстетический ренессанс», или Тоска по высокой культуре	151
Сталинские премии по литературе за 1943–1944 годы: «Тоталитарная реставрация» соцреализма	194
<i>Глава четвертая. 1945–1949: Созидание прошлого: Пятилетний план по (пере)созданию советской литературы</i>	260
Безграничность имперского воображения: Советская политика трансформации «внешнего» во «внутреннее»	260
Сталинские премии по литературе за 1945 год: «Суть не в распределении денег, а в оценке» — миф о советском «художественном качестве»	273
Сталинские премии по литературе за 1946 год: Призрак бродит по Европе — призрак соцреализма	310
Сталинские премии по литературе за 1947 год: Переоценка ценностей, или Партфункционеры в борьбе с «безыдейностью», «пошлостью» и «халтурой»	340
Сталинские премии по литературе за 1948 год: «Социалистическая действительность» в ее параноидальном развитии	382
Сталинские премии по литературе за 1949 год: Партийная организация и беспартийная литература	417

Глава пятая. 1950–1953: «Падающего — толкни»:

<i>Литература соцреализма на руинах сталинского эстетического канона</i>	470
Литературная корпорация самозванцев: Социалистический реализм как «основной метод» заработка	470
Сталинские премии по литературе за 1950 год: Культурное изобилие сталинизма как предсмертное цветение «злой красоты»	476
Сталинские премии по литературе за 1951 год: Эстетические проблемы соцреализма в СССР	516
«Сизифов труд»: Сталинская премия по литературе post mortem	570

Глава шестая. Квинтэссенция сталинизма:

<i>Соцреалистический канон как целое</i>	595
Искусство, сжатое до точки: Сталинский эстетический канон в историко-литературном измерении	595
От самокритики к самоуничтожению: Механизмы структурирования литературного поля в 1930–1940-е годы	605
Сталинская премия по литературе и складывание соцреалистического канона: Проблема единства культурного континуума позднего сталинизма	612
Иллюзия свободы vs свобода иллюзии: Homo legens и Homo scribens в культуре позднего сталинизма	622
«Поэзия действительности», или Смерть «социалистического мимесиса»: Реорганизация советского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма	631

*Глава седьмая. Международная Сталинская премия и производство
соцреалистического канона в ранний период холодной войны (1945–1953).*

Воинствующий сталинизм: «Социалистический реализм» vs «буржуазный модернизм»	652
На пути к «социалистической ойкумене»: Международные премии Советского Союза как политико-идеологический проект	665
«Облик человека в его борьбе за мир»: Международная Сталинская премия и сотворение «мировой социалистической культуры»	670
«Подачки со стола атомно-пушечных королей»: Антинобелевская кампания как апофеоз культурной войны	692

Заключение 697

<i>Приложение 1. Сводная таблица выданных премий по всем областям искусства за 1934–1951 гг.</i>	703
--	-----

<i>Приложение 2. Состав Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства (1940–1954)</i>	707
---	-----

<i>Приложение 3. Лауреаты Сталинской премии по литературе (1940–1953)</i>	716
---	-----

<i>Приложение 4. С. И. Сталина. Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе</i>	727
--	-----

<i>Библиография</i>	741
-------------------------------	-----

<i>Указатель имен</i>	781
---------------------------------	-----

Введение. Соцреализм в отдельно взятой стране

В письме к Л. М. Кагановичу от 15 августа 1934 года И. В. Сталин написал: «Надо разъяснить всем литераторам-коммунистам, что хозяином в литературе, как и в других областях, является только ЦК и что они обязаны подчиняться последнему беспрекословно»¹. Эта фраза наиболее точно характеризует специфику историко-литературного процесса сталинской эпохи. Объем того влияния, которое лично Сталин и ряд приближенных к нему членов Центрального комитета партии оказывали на литературное производство 1930-х — начала 1950-х годов, отнюдь не исчерпывается частными санкциями и точечными вмешательствами в общий ход культурного развития: в отношении к сложившейся в Советском государстве ситуации можно говорить о целенаправленном и инициированном высшими структурами власти воздействии на формирование соцреалистического канона сталинской культуры. Механизмами, посредством которых проводилась эта культурная политика, стали многочисленные институты и учреждения (творческие союзы и объединения, съезды писателей, Литературный фонд Союза ССР², «городок писателей» Переделкино³, читатель и писатель как основные институты сталинской культуры, школы и университеты (в том числе основанный в 1933 году Вечерний рабочий

¹ Шифротелеграмма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу, 15 августа 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 83. Л. 67. Подробнее о предистории сталинского тезиса см.: Юрганов А. Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 200–221.

² С 23 сентября 1940 года Литфонд Союза ССР лишился прежней автономности и был передан в ведение Комитета по делам искусств при Совнарком СССР.

³ См.: Талавер А. В. Писательский поселок Переделкино как утопия управляемого творчества // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. СПб., 2014. С. 177–182; Кознова А. А. 1) У истоков «Городка писателей» в Переделкине // Знамя. 2022. № 1. С. 172–194; 2) Переделкино 1936–1940 годов: Первые поселенцы // Новый мир. 2022. № 5. С. 151–163.

литературный университет¹), «толстые» литературно-художественные журналы и разнообразные газеты, Сталинская премия, литературная критика, цензура и «теория социалистического реализма», составлявшая ведущую отрасль «советского литературоведения»); их совокупность стала ключевым контекстом оформления сталинского культурного канона. Неравномерный характер протекания этого процесса особенно ошутим при сопоставлении хронологически дистанцированных этапов развития режима: полученный в первой половине 1930-х годов² и очевидно ослабевший к 1936–1938 годам импульс литературного развития к концу десятилетия вновь набирает силу, однако, будучи прерванным начавшейся войной и довольно краткосрочным периодом послевоенного восстановления, достигает апогея уже в период позднего сталинизма, когда и происходит окончательное складывание культурного канона социалистического реализма. Наметившиеся незадолго до судьбоносного XIX съезда партии (октябрь 1952 года) деструктивные тенденции, обозначившие необходимость скорейшей переориентации литературного процесса и как бы завершившие послевоенную «литературу метрополии», позволяют значительно сузить хронологические рамки рассмотрения, сосредоточившись на периоде 1940-х — начала 1950-х годов и лишь отчасти привлекая материал, относящийся к ближайшему по времени контексту. Кроме того, в этот же временной промежуток укладывается 14-летняя (1940–1953) история функционирования института Сталинской премии в области литературы и искусства, чьей роли в формировании послевоенного соцреалистического канона и — шире — месту в системе литературного производства и посвящено это исследование.

* * *

Говорить об исчерпывающем и относительно полном обзоре работ, посвященных проблеме «основного метода советской художественной литературы и литературной критики», на сегодняшний день не приходится: о культуре сталинской эпохи в целом и о множестве ее частных аспектов написано такое количество исследований, что одна их библиография растянулась бы на сотни страниц. Условно весь этот массив текстов, руководствуясь сугубо хронологическим критерием, можно разделить на две части: теоретические работы, созданные в период с середины 1950-х до начала перестройки, и исследования, написанные в условиях дезинтеграции основных институтов Советского

¹ Осенью 1939 года ВРЛУ был реорганизован в дневное учебное заведение и стал называться Литературным институтом Союза советских писателей.

² Неслучайно Х. Гюнтер определяет в качестве центральных в истории критики первой половины 1930-х годов именно «процессы канонизации» (см.: Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1934 // История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи. М., 2011. С. 251). Ключевым в процессе упорядочения литературного поля событием может быть назван Первый Всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в августе 1934 года.

государства и определившие специфику современного освещения сталинской культуры в отечественной и зарубежной историографии.

Первая группа текстов по вполне понятным причинам характеризуется относительной однородностью: большинство из входящих в нее образцов не столько описывает соцреалистическую культуру сталинизма, сколько является ее закономерным продолжением, производной тех «теоретических» установок на «борьбу с формализмом в науке», которые оформились в советском литературоведении и критике в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Зачастую работы, входящие в эту группу, создавались либо непосредственными современниками и участниками художественной жизни послевоенного периода, либо сотрудниками различных институций и людьми, чья деятельность так или иначе соотносилась с бюрократическим контекстом официального советского литературоведения. К этой группе можно отнести опубликованные ближе к середине 1950-х годов работы А. А. Фадеева¹, Ф. В. Гладкова, В. В. Ермилова, Е. Ф. Книпович, В. А. Луговского, В. М. Озерова, П. А. Павленко, В. О. Перцова, А. К. Тарасенкова, А. Н. Толстого, К. А. Федина, М. С. Шагинян, Н. З. Шамоты² и статьи многих видных функционеров Союза писателей или других институций, вовлеченных в литературное производство³. Вместе с тем авторы этих текстов ставили своей задачей не осмысление соцреалистической культуры сталинской эпохи, а ее приращение: совокупность подобных работ оформляла теоретическое поле, в пространстве которого разговор о соцреализме как об эстетической системе вообще становился

¹ На сегодняшний день роль Фадеева в становлении и «оправдании» соцреализма не изучена вовсе. Так, в статье О. В. Богдановой и А. В. Святославского 2022 года представлена попытка указать на необходимость решения этой проблемы и в то же самое время доказать и без того очевидный тезис о слабой теоретической базе советского официального искусства довоенного времени (см.: *Богданова О. В., Святославский А. В.* Александр Фадеев как теоретик социалистического реализма // *Русская словесность.* 2022. № 3. С. 47–54).

² См., например: *Фадеев А. А.* 1) *За тридцать лет: Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве.* М., 1957; 2) *О литературном труде.* М., 1961; *Гладков Ф. В.* *О литературе: Статьи, речи, воспоминания.* М., 1955; *Ермилов В. В.* 1) *Самая демократическая литература мира.* М., 1947; 2) *Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве.* М., 1948; 3) *Избранные работы:* В 3 т. М., 1955–1956; *Книпович Е. Ф.* *В защиту жизни: Литературно-критические статьи.* М., 1958; *Луговской В. А.* *Раздумье о поэзии.* М., 1960; *Озеров В. М.* 1) *Творчество А. Фадеева.* М., 1952; 2) *Д. А. Фурманов: Критико-биографический очерк.* М., 1953; 3) *Проблема типичности в советской литературе: Лекции 1-я и 2-я.* М., 1953; 4) *Образ коммуниста в советской литературе: Литературно-критические очерки.* М., 1954; 5) *Некоторые вопросы социалистического реализма.* М., 1958; 6) *На путях социалистического реализма: Сб. статей.* М., 1958; 7) *Александр Фадеев: Творческий путь.* М., 1960; *Павленко П. А.* *Писатель и жизнь.* М., 1955; *Перцов В. О.* 1) *Подвиг и герой: Этюды о советской литературе.* М., 1946; 2) *Писатель и новая действительность.* М., 1958; *Тарасенков А. К.* 1) *Идеи и образы советской литературы.* М., 1949; 2) *О советской литературе: Сб. статей.* М., 1952; 3) *О поэзии М. Исаковского.* М., 1954; 4) *Статьи о литературе: В 2 т.* М., 1958; *Алексей Толстой о литературе: Статьи, выступления, письма.* М., 1956; *Федин К. А.* *Писатель, искусство, время.* М., 1957; *Шагинян М. С.* *Об искусстве и литературе. 1933–1957: Статьи и речи.* М., 1958; *Шамота Н. З.* *О художественности.* М., 1954.

³ Зачастую тексты «литературных работников» объединялись в сборники, рассчитанные «не только на литераторов, но и более широкие круги читателей»; см., например: *О писательском труде: Сб. статей и выступлений советских писателей.* М., 1953 (2-е изд. — М., 1955).

возможным. Иначе говоря, происходила нормализация теоретического дискурса, создававшая (пусть и в ограниченном пространстве Страны Советов) видимость единства и цельности соцреалистического художественного «метода», материально явленного в образцах сталинского искусства. Однако уже в 1930–1950-е годы преимущественно в критике эмиграции оформляется альтернативный господствующему взгляд на культуру эпохи сталинизма, ставящий под сомнение повсеместно тиражируемое утверждение о безальтернативности «основного метода советской художественной литературы и литературной критики» (А. Жданов). «Молодая» советская литература в русской эмигрантской литературной критике и теории явилась чуть ли не центральным объектом анализа и рефлексии, потеснив и классическое наследие XIX столетия, и даже вопрос о самоидентификации уехавших писателей. Интеллектуальному производству альтернативных точек зрения на литературную культуру сталинизма способствовала и весьма разветвленная институциональная сеть, включавшая кружки, периодику, издательства. Тем не менее, по точному замечанию Г. Тиханова, «фактически лишь три эмигрантских критика — Пильский, Слоним и Юрий Мандельштам — сумели в межвоенный период опубликовать книги новых критических статей и рецензий»¹. Литературные критики в эмиграции, утверждая принципиальную разницу сложившихся культурных обстановок в сталинском Советском Союзе и за его пределами, как бы обретали право не только на независимые суждения и оценки, но и на самостоятельное определение иерархии, свободное выстраивание *внешней* концепции эстетического канона. Очевидно, что работы, написанные в таком ключе, не могли без известных последствий для их авторов публиковаться в Советском Союзе, поэтому подавляющая часть не встраивавшихся в санкционированный государством «литературоведческий» дискурс исследований создавалась и печаталась за пределами СССР. Так, в 1951 году вышло третье издание расширенных до формата 400-страничной книги сводных курсов по истории советской литературы Г.П. Струве на английском языке². Эта книга «апостола антикоммунизма»³ в Советском Союзе

¹ Тиханов Г. Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // История русской литературной критики. С. 339. Речь идет о следующих сборниках: Пильский П. Загуманившийся мир. Riga, 1929; Слоним М. Портреты советских писателей. Paris, 1933; Мандельштам Ю. Искатели. Шанхай, 1938. Однако объем написанного о русской литературе в эмиграции чрезвычайно велик, о чем свидетельствует хотя бы библиографическая статья О. Коростелева (см.: Коростелев О.А. Литературная критика русской эмиграции: Материалы к библиографии // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов. 2004. № 1. С. 132–181).

² См.: Struve G. Soviet Russian Literature 1917–1950. Norman, 1951. Первое издание книги Струве с таким же заглавием вышло в 1935 году и по очевидным причинам не могло включать анализа литературного процесса интересующего нас периода (см.: Struve G. Soviet Russian Literature. London, 1935). О литературоведческой деятельности Струве см. подробнее: Лаппо-Данилевский К. Ю. Глеб Струве — историк литературы // Русская литература. 1990. № 1. С. 99–107.

³ Именно так Г. Струве прозвучит в 1970-е годы; ср.: Беляев А.А. Глеб Струве — апостол антикоммунизма // Москва. 1971. № 5. С. 193–204.

получила негативную оценку¹; при этом Струве, наряду с другими «белоэмигрантами», оценивался не столько как историк литературы, сколько как американский «советолог». Позднее за рубежом выйдут и другие исследования, посвященные советскому литературному процессу 1930–1950-х годов, среди которых особенно выделялись книга М. Л. Слонима «Soviet Russian Literature: Writers and Problems»² и опубликованная в 1971 году итоговая работа Г. Струве о литературе сталинского периода «Russian Literature under Lenin and Stalin 1917–1953»³, которая представляла расширенную редакцию упомянутого выше издания 1951 года. Помимо монографических трудов, на Западе в 1960-е годы появилось множество менее объемных работ по частным вопросам истории советской литературы⁴; именно они и послужили основанием для формирования западной «советологии» как отдельной области исследований (уже в 1970-е годы в СССР — не без участия А. Л. Дымшица⁵ — за термином «советология» закрепится однозначно негативная коннотация). Первым русскоязычным текстом, поставившим под сомнение статус социалистического реализма как эстетической системы, стала статья А. Синявского «Что такое социалистический реализм»⁶, написанная под псевдонимом Абрам Терц в 1957 году. Вскоре ее автор был подвергнут жестокому, но вполне закономерным нападкам: в 1962 году в журнале «Иностранная литература» (№ 1) появилась статья его главного редактора Б. С. Рюрикова «Социалистический реализм и его „ниспровергатели“»⁷, где Терц объявлялся «эстетствующим рыцарем „холодной войны“», а два его текста — рассказ «Суд идет» (1956) и эссе о соцреализме — оценивались как «неумные антисоветские фальшивки». Очевидно возросший к 1950-м годам теоретический уровень создававшихся на Западе исследований, взявших на вооружение «буржуазную» «антимарксистскую» методологию, провоцировал необходимость в создании советской эстетической теории, которая упрочила бы статус соцреализма как доминирующей художественной системы⁸. Первые попытки придать разговору о культурной обстановке сталинизма научный характер относятся к началу 1960-х годов.

¹ Ср. хотя бы характеристику работы «белоэмигранта» Струве в: История русской советской литературы. М., 1968. Т. 3. С. 92.

² См.: *Slonim M. Soviet Russian Literature: Writers and Problems.* New York, 1964.

³ См.: *Struve G. Russian Literature under Lenin and Stalin 1917–1953.* Norman, 1971.

⁴ Подробную библиографию этих работ см. в: *Ермолаева В. Н., Толстых В. И.* Социалистический реализм и штампы буржуазной эстетики. М., 1967.

⁵ В середине 1970-х в издательстве «Художественная литература» (!) появился сборник статей к тому времени уже умершего Дымшица «Нищета советологии и ревизионизма» (М., 1975).

⁶ *Терц А.* Что такое социалистический реализм. Париж, 1988 (машинописные копии этой статьи распространялись в самиздате уже в 1960-е годы).

⁷ См.: *Рюриков Б. С.* Социалистический реализм и его «ниспровергатели» // Технология неправды: Сб. статей. М., 1968. С. 9–28.

⁸ Характерную реакцию советской стороны на построения западных «советологов» — «„доброжелателей“ советского искусства» — см. в: *Ермолаева В. Н., Толстых В. И.* Социалистический реализм и штампы буржуазной эстетики. М., 1967.

Состояние теоретического осмысления соцреалистической культуры в 1960-е годы характеризовалось отходом от литературно-критических форм в сторону историко-литературной рефлексии: переместившиеся с журнальных на страницы академических изданий под грифом различных учреждений и институтов дискуссии о «методе» советской литературы исходили из положения о завершенности сталинского культурного проекта¹. Работы, созданные в этот период, свидетельствовали об окончательном выведении разговора о соцреализме за рамки соцреалистической художественной практики. Иначе говоря, дискурс о культурном производстве сталинизма перестал быть органической составляющей этого производства, несколько нейтрализовался, приобретая черты историчности². Поэтому доминирующим направлением исследований литературного процесса первой половины XX века становилось (псевдо)академическое. В конце 1950-х — 1960-е годы начинают появляться многотомные издания по истории советской литературы³, а позднее — изрядное количество монографических работ⁴, составляются и издаются курсы лекций по литературной истории и «теории социалистического реализма»⁵, проводятся конференции по «актуальным проблемам» советской литературы

¹ См. об этом: *Кормилов С.И.* Споры о методах советской литературы в критике и литературоведении 1960-х — первой половины 1980-х гг. // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 2. С. 24–38.

² Ср. заглавия появившихся в 1960–1970-е годы работ: *Иезуитов А.Н.* Об историческом изучении социалистического реализма // Русская литература. 1965. № 2. С. 218–230; *Сучков Б.Л.* Исторические судьбы реализма: Размышления о творческом методе. М., 1967 (ранее именно Сучков заявил об «осознанности» историзма как о специфическом свойстве соцреализма; см.: *Сучков Б.Л.* Жизнеутверждающее искусство нового общества // Правда. 1963. № 279 (16500). 6 октября. С. 3); *Александрова Л.П.* Советский исторический роман и вопросы историзма. Киев, 1971.

³ См., например: Очерк истории русской советской литературы: В 2 т. М., 1954–1955; История русской советской литературы 1917–1957: В 3 т. М., 1958–1961 (2-е изд.: История русской советской литературы 1917–1965; В 4 т. М., 1967–1971); История русской советской литературы. М., 1974; История советской многонациональной литературы: В 6 т. М., 1970–1974.

⁴ См., например: *Ломидзе Г.И.* Единство и многообразие: вопросы национальной специфики советской литературы. М., 1957; *Эльсберг Я.Е.* О бесспорном и спорном: Новаторство социалистического реализма и классическое наследие. М., 1959; Социалистический реализм и классическое наследие (Проблема характера). Советский роман: Очерки. М., 1963; *Тимофеев Л.И.* Советская литература: Метод, стиль, поэтика. М., 1964; *Муратова К.Д.* Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966; *Ломидзе Г.И.* Пути развития советской многонациональной литературы. М., 1967; *Андреев Ю.А.* Революция и литература: Октябрь и гражданская война в русской советской литературе и становление социалистического реализма (20–30-е гг.). Л., 1969; *Петров С.М.* Возникновение и формирование социалистического реализма. М., 1970; *Шеиуков С.И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х гг. [М.], 1970; *Гей Н.К., Пискунов В.М.* Художественное богатство литературы социалистического реализма. М., 1971; *Гура В.В.* Роман и революция: Пути советского романа 1917–1929. М., 1973; *Иезуитов А.Н.* Социалистический реализм в теоретическом освещении. Л., 1975; *Акимов В.М.* В спорах о художественном методе: Из истории борьбы за социалистический реализм. Л., 1979.

⁵ См., например: Лекции по истории русской советской литературы: В 4 кн. М., 1951–1955; История русской советской литературы: Курс лекций. М., 1958; Курс лекций по теории социалистического реализма. М., 1973.

и литературоведения, материалы которых также публикуются в формате сборников¹. Однако, несмотря на укрепившееся в гуманитарной среде и в известной степени поддержанное хрущевским докладом 1956 года ощущение относительной свободы слова в исследовании литературного процесса сталинской эпохи, многие литературоведы и историки, вопреки открывшимся перед ними возможностям, обратились к хронологически более раннему периоду советской культуры — к 1920-м годам. Этот парадокс во многом объясняется стремлением исследователей сохранить память о старательно уничтожавшейся в сталинском СССР культуре «нэповской оттепели»², характеризовавшейся относительной свободой творческих дискуссий и полемик по вопросам эстетики. Тогда и выходят основополагающие работы по истории литературы и литературной критики досталинского периода: публикуются книги Г. А. Белой, Е. Б. Скороспеловой, М. О. Чудаковой и других³. Это направление, расцвет которого пришелся на перестроечную эпоху, ставило своими задачами, прежде всего, расширение поля фактического материала (с чем связана активная публикаторская работа, благодаря которой в научный оборот был введен внушительный массив материалов о художественной жизни 1920–1930-х годов⁴) и проблематизацию отдельных тематических участков историко-литературного процесса. В позднесоветский период развитие этой тенденции

¹ См., например: Творческий метод: Сб. статей. М., 1960; Проблемы социалистического реализма: [Сб. статей]. М., 1961; Социалистический реализм в литературе народов СССР. М., 1962; Советское литературоведение за пятьдесят лет: Сб. статей. М., 1967; Советская литература и новый человек: Сб. статей. М., 1967; Технология неправды: Сб. статей. М., 1968; Актуальные проблемы социалистического реализма: Сб. статей. М., 1969; Часть общего дела: Проблемы советской литературы. М., 1969; Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. М., 1971; Литература созидания и борьбы. Социалистический реализм сегодня: Сб. статей. М., 1973; Актуальные проблемы советской литературы (Методологические и методические аспекты их изучения в социалистических странах). М., 1977; Социалистический реализм сегодня: Сб. статей. М., 1977; Советский роман. Новаторство, поэтика, типология: Сб. статей. М., 1978.

² Это обозначение предложено Н. В. Корниенко; см.: *Корниенко Н. В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010.

³ См., например: *Белая Г. А.* 1) Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М., 1977; 2) Из истории советской литературно-критической мысли 20-х гг.: Эстетическая концепция «Передела». М., 1985; 3) Дон-Кихоты 20-х гг.: «Передел» и судьба его идей. М., 1989; 4) О внутренней свободе художника: Из опыта критической мысли 20-х гг. // Контекст: Литературно-критические исследования. М., 1989. С. 128–157; *Скороспелова Е. Б.* 1) Идеино-стилевые течения в русской советской прозе первой половины 20-х гг. М., 1979; 2) Русская советская проза 20–30-х гг.: Судьбы романа. М., 1985; *Чудакова М. О.* 1) Мастерство Юрия Олеши. М., 1972; 2) Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979; 3) Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988; 4) Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературе 20–30-х гг. // Новый мир. 1988. № 9. С. 240–260; 5) Сквозь звезды к терниям: Смена литературных циклов // Новый мир. 1990. № 4. С. 242–262; *Кищинская Л. А.* Борьба за теоретические основы советской журнальной критики: 1917–1932. Свердловск, 1967; *Бузник В. В.* Русская советская проза двадцатых годов. Л., 1975; *Филимонов О. В.* Время поиска и обновления: Из истории советской литературной критики: 20-е гг. М., 1989.

⁴ См., например: Из истории советской эстетической мысли, 1917–1932: Сб. материалов. М., 1980; Русская советская художественная критика. 1917–1941. М., 1982; Из советской литературной критики 20-х гг. М., 1987; Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991.

серьезно осложнялось тем, что в теоретической мысли наметилась апологетическая линия, со временем ставшая доминирующей в пространстве дискуссий о социалистическом реализме в 1970-е — первую половину 1980-х годов¹. В известной степени этот откат к оправдательной риторике стал возможным благодаря усилиям представителей академической бюрократии, в итоге монополизировавшей сферу до того времени сравнительно свободного изучения официальной культуры 1930–1950-х годов. Позиции ведущих специалистов заняли академик АН СССР, президент (1970–1986) Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы М. Б. Храпченко, директор (1968–1974) ИМЛИ Б. Л. Сучков, заведующий Отделом советской литературы (1941–1970) ИМЛИ Л. И. Тимофеев, заведующий кафедрой истории советской литературы (1952–1985) филологического факультета МГУ А. И. Метченко, заведующий кафедрой советской литературы (1962–1972) ЛГУ П. С. Выходцев, главный редактор (1959–1978) журнала «Вопросы литературы» В. М. Озеров, член-корреспондент АН СССР В. В. Новиков, а также заведующий сектором ПСС М. Горького в ИМЛИ (1965–1988) А. И. Овчаренко² и ряд других партийных функционеров от литературоведения.

¹ См. об этом: Отказаться ли нам от социалистического реализма? «Круглый стол» «Литературной газеты» // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. М., 1990. С. 373–380, 402–412.

² См., например: Храпченко М. Б. 1) Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970; 2) Художественное творчество, действительность, человек. М., 1976; 3) Горизонты художественного образа. М., 1982; 4) Познание литературы и искусства: Теория. Пути современного развития. М., 1987. Интересна характеристика, которую В. В. Виноградов давал «научной» деятельности Храпченко. Л. И. Скворцов вспоминал: «Про академика Храпченко и его „науку“ язвительный В[иктор] В[ладимирович] говорил мне так: „Удивительная эта наука — наше литературоведение! Вот мне Михаил Борисович [Храпченко] сказал на днях, что едет в творческий отпуск в наш дом отдыха ‘Узкое’ на 20 дней, чтобы написать там книгу в 20 печатных листов. Как это можно (В. В. картинно удивлялся, разводя руки), как можно написать за 20 дней книгу в 20 печатных листов? Какая же это наука?“» (цит. по: Скворцов Л. И. Наставники — соратники — друзья: О тех, кто нас учил // Моховая, 9–11. Судьбы, события, память. М., 2010. С. 173). Сучков Б. Л. Исторические судьбы реализма: Размышления о творческом методе. М., 1967. Тимофеев Л. И. 1) Советская литература: Метод, стиль, поэтика. М., 1964; 2) Советская литература и художественный прогресс // Новый мир. 1973. № 11. С. 254–263. Метченко А. И. 1) Завещано Горьким: Роль А. М. Горького в развитии социалистического реализма. М., 1969; 2) Кровное, завоеванное: Из истории советской литературы. М., 1971; 3) Мудрость художника: О творчестве М. А. Шолохова. М., 1976. Под редакцией Метченко в его бытность заведующим кафедрой вышло также несколько учебников по советской литературе для студентов-филологов. Выходцев П. С. 1) Русская советская поэзия и народное творчество. М.; Л., 1963; 2) Новаторство. Традиции. Мастерство. Л., 1973; 3) В поисках нового слова: Судьбы русской советской поэзии 20–30-х гг. XX в. М., 1980; 4) Земля и люди: Очерки о русской и советской поэзии 40–70-х гг. М., 1984. Озеров В. М. 1) Полвека советской литературы. М., 1967; 2) Литературно-художественная критика и современность. М., 1972. Новиков В. В. 1) Художественная правда и диалектика творчества. М., 1971; 2) Движение истории — движение литературы: Наследие и стилевое богатство современной советской литературы. М., 1979. Овчаренко А. И. 1) Социалистическая литература в современных спорах. М., 1972; 2) Социалистическая литература и современный литературный процесс. М., 1973; 3) Социалистический реализм: Проблемы, анализ произведений, споры. М., 1977; 4) Большая литература: Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945–1985 гг.: В 3 т. М., 1985. См. также: К истории партийной политики в области литературы (Переписка И. Гронского и А. Овчаренко) // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 143–166.

Конец 1980-х годов стал во всех отношениях переломным периодом: «поминками по советской литературе»¹ ознаменовано рождение окончательно отошедшего от жесткой идеологической регламентации подлинно научного дискурса, предметом которого стала сталинская соцреалистическая культура. Именно в те годы начали появляться исследования, радикальным образом пересматривавшие подход к официальному советскому искусству сталинского периода и выведившие разговор о соцреализме за рамки оценочности, равно отдаляясь как от чрезмерно патетических восклицаний о его «передовом характере», так и от огульного поругания, по выражению А. Терца, «мертворожденного» «полуискусства не слишком социалистического совсем не реализма». Эти тексты, которые спешно и массово появлялись с 1989–1990 годов, положили начало второй выделенной нами группе исследований; первым в ряду таковых оказался вышедший в 1990 году 400-страничный сборник под заглавием «Избавление от миражей: Соцреализм сегодня» (М.: Советский писатель, 1990). Общая установка авторов, чьи статьи были собраны Е. А. Добренко в этом полемическом по характеру представленных позиций томе, определяется «необходимостью избавления от догм и нормативности, от стереотипов и голословных, беспочвенных посылок» в разговоре о соцреализме². Несмотря на характерные для абсолютного большинства изданий той поры методологическую неопределенность (в предисловии она названа «объемным зрением»), ангажированность выводов и публицистичность их изложения, этот сборник по праву может считаться первым специализированным изданием, посвященным официальному искусству сталинизма³. Кроме того, в издании освещена полемика о соцреализме, развернувшаяся в публицистике конца 1980-х годов⁴. В том же году в «Новом мире» (1990. № 2) появилась статья Добренко «Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма», об основных положениях которой мы еще скажем особо.

¹ Именно такое заглавие имела статья Виктора Ерофеева, опубликованная в «Литературной газете» 4 июля 1990 года (№ 27 (5301)). С. 8).

² См.: Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. М., 1990. С. 4.

³ Уже в наши дни Добренко признается: «...назвать дискуссии эпохи перестройки полноценными нельзя. Это было скорее прощупыванием почвы: насколько далеко можно было продвинуться в критике. Говорили тогда все, по сути, одно: надо ломать старый каркас истории русской литературы XX века, долой сталинские схемы, да здравствует „настоящая“, „возвращенная“, „потаенная“, „великая“ литература. Напор этот был настолько сильным, что смолкли даже записные обскуранты, поняв, что пришло какое-то невероятное время. Помню, каких трудов мне стоило найти кого-нибудь, кто заступился бы за „метод“: для „дискуссии“ нужны были „разные точки зрения“... разности достичь между тем было невозможно. По существу, разными были лишь степени отрицания ненавистного соцреализма» (Добренко Е. А. Читая сталинизм: Сталинская культура как исследовательское поле // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 105).

⁴ Подробнее о литературно-критической обстановке 1980-х годов см.: Кормилов С. И. Прощание с соцреализмом: Споры в критике второй половины 1980-х гг. о методах советской литературы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 1. С. 18–31.

Начало проблематизации теории и культурной практики социалистического реализма в постсоветской науке было положено в № 1 журнала «Вопросы литературы» за 1992 год, имевшем подзаголовок «Тоталитаризм и культура» (основной раздел состоял из десяти статей российских и западных исследователей и примыкавшего к ним эссе А. Камю «Бунт и рабство»)¹. В этом же году вышла монография М. М. Голубкова «Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы» (М., 1992), где автор предложил взгляд на соцреализм через призму общих тенденций историко-литературного процесса первой половины XX века. Все стремительнее возраставший интерес к деидеологизированному изучению тоталитарного искусства сталинизма привел к появлению первопроходческого сопоставительного² исследования И. Н. Голомштока «Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy, and the People's Republic of China» (London, 1990), в 1994 году переведенного на русский язык и напечатанного под названием «Тоталитарное искусство» (М., 1994). В нем ученый выстраивает убедительную концепцию генетической связи художественных практик четырех стран, где тоталитаризм, с его точки зрения, в XX веке возымел значение определяющей политико-эстетической тенденции. В этом же направлении А. А. Георгиев рассматривает организацию советских творческих союзов как одну из стратегий насаждения в СССР тоталитарной идеологии и эстетики³. Обсуждая понятие «тоталитаризм», Л. Д. Гудков пишет о том, что «к середине 1990-х годов интерес к данной концепции заметно ослабел, само понятие к этому времени уже исчезло из публицистики»⁴. И действительно, в конце 1990-х годов наблюдается снижение интереса к обобщающим работам теоретической направленности⁵, а внимание ученых все чаще привлекают частные вопросы (стремление к формату case studies). На первый план выдвигаются исследования, осмысляющие ранее недоступный для ученых материал. Неслучайно именно в этот период

¹ Подробный анализ вошедших в номер публикаций см. в диссертации Д. Земсковой, выполненной под руководством проф. М. М. Голубкова: *Земскова Д. Д.* Советский производственный роман: Эволюция и художественные особенности жанра: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. С. 14–21.

² Позднее разработанный Голомштоком подход будет использован в объединившем русскоязычных и иностранных ученых издании: За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.

³ *Георгиев А. А.* Творческие союзы СССР как элементы тоталитарной системы (1932–1941 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

⁴ *Гудков Л. Д.* «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: Попытки ревизии спорного понятия // Гудков Л. Д. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 371. Все чаще западные ученые начинают говорить не о тоталитаризме, а о сталинизме; см., например: *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. См. также: Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009. Подробнее о соотношении тоталитаризма и сталинизма см.: *Кацис Л. Ф.* «Тоталитаризм» Ханна Арентс в современных спорах о гитлеризме и сталинизме // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 3. С. 104–145.

⁵ Но их поток не иссякает полностью. Например, в 1995 году выходит сборник статей «Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как культурная проблема».

появляются «Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК»¹ (М., 1994) Д. Л. Бабиченко, «Писатель и власть» (М., 1996) Н. Н. Примочкиной, «Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи» (СПб., 1997) В. В. Перхина, «Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы» (СПб., 1997) и «Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры» (СПб., 1999) Е. А. Добренко, «Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция, 1936–1938» (М., 1997) Л. В. Максименкова, «Сталин: Власть и искусство» (М., 1998) Е. С. Громова.

Но уже в 2000 году в издательстве «Академический проект» под редакцией Е. Добренко и Х. Гюнтера вышел 1000-страничный труд — сборник статей «Соцреалистический канон», в своих методологических установках последовательно развивающий, реактуализирующий те исследовательские стратегии, которые наметились еще в упомянутом выше номере «Вопросов литературы» и к тому моменту отчетливо были резюмированы И. Голомштоком. Изданию сборника предшествовала работа пяти научных конференций в Университете и Центре междисциплинарных исследований германского Билефельда в 1994–1998 годах. Издание это уже в момент своего появления вызвало известный резонанс в научном сообществе: с того момента ни одно (!) исследование, посвященное советскому официальному искусству эпохи сталинизма, не обходится без ссылок на этот труд. Масштаб «Соцреалистического канона» настолько потряс ученых как широтой привлеченного материала, так и неожиданностью ракурсов, что от их внимания ушел один принципиально важный момент: собственно, о *каноне* сталинского искусства в этом сборнике почти ничего не сказано. А немногочисленные высказанные Х. Гюнтером соображения о характере и объеме понятия канона в отношении к советской культуре при их критическом осмыслении недвусмысленно демонстрируют несостоятельность.

Спустя некоторое время в научном сообществе наметилась тенденция к переосмыслению взгляда на советскую официальную культуру, оформившегося в работах авторов «Соцреалистического канона». Одним из первых скептических откликов стала книга М. М. Голубкова «Русская литература XX в.: После раскола» (М., 2001), в которой ученый, учитывая опыт западных славистов, предложил свой взгляд на проблему социалистического реализма, противопоставив «нейтральный стиль» официальной культуры «новому реализму» русской прозы XX столетия². А уже в 2003 году в свет вышла монография

¹ После публикации монографии Бабиченко представил ее основные положения в виде доклада (см.: Бабиченко Д. Л. ЦК ВКП(б) и советская литература: Проблемы политического влияния и руководства. 1939–1946: Дис. ... канд. ист. наук в виде научного доклада. М., 1995).

² См.: Голубков М. М. Русская литература XX в.: После раскола. М., 2001. С. 130–174. См. также: Голубков М. М. О литературе социалистического реализма // Наука о литературе в XX в.:

профессора МГУ Е. Б. Скороспеловой «Русская проза XX в.: от А. Белого („Петербург“) до Б. Пастернака („Доктор Живаго“)\», где соцреализму посвящен раздел «Литература социалистического выбора: Мифотворчество советской эпохи». В нем последовательно проводится дифференциация «социалистического реализма», основанного на властной интенции, и литературы «социалистического выбора», создавшей и оформившей, по Скороспеловой, «советскую мифологическую систему»¹. (Заметим, что такое деление хоть и несколько неудачно с терминологической точки зрения, но тем не менее во многом отвечает специфике соцреалистического канона, о чем мы еще скажем подробнее.)

Диаметрально противоположных взглядов на эстетическую значимость явления придерживается Добренко, критически отозвавшийся об основных положениях концепции Скороспеловой²; он выдвинул тезис об «отсутствии (в эпоху сталинизма. — Д. Ц.) литературы»³ как таковой. В монографии Добренко «Политэкономия соцреализма» (М., 2007), которая последовательно развивает систему теоретических установок более ранней его книги «Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении» (Мюнхен, 1993), предложена точка зрения на соцреализм (если попытаться ее метафорически сформулировать) как на механизм, работающий на *идее* топлива: исследователь старательно проводит сомнительную мысль об изолированности литературного производства сталинизма от сугубо экономических вопросов распределения прибыли. Между тем этот аспект оказывается одним из ключевых в вопросе организации художественной жизни сталинского СССР⁴. В последние годы все яснее наблюдается отход от больших обобщающих проектов, интерес к которым начал иссякать к концу 2000-х⁵, в сторону частных разысканий в области советской официальной культуры первой половины прошлого столетия⁶. В это время вышли сборник «Образ врага» (М., 2005) под редакцией

История, методология, литературный процесс. 2001. № 1. С. 245–262. Понятие «новый реализм» впервые в том же значении было употреблено Метченко в монографии «Кровное, завоеванное: Из истории советской литературы».

¹ Подробнее о разнице во взглядах Скороспеловой и авторов «Соцреалистического канона» см.: Выгон Н. С. Два взгляда на историю русской литературы XX в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 6. С. 172–179.

² См.: Добренко Е. А. Сталинская культура: Двадцать лет спустя (Обзор) // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 320–322.

³ Там же. С. 321.

⁴ См. об этом: Ильухов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

⁵ Финальным всплеском такого интереса стало появление сборников «Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино» (СПб., 2002) и «Советская власть и медиа» (СПб., 2006).

⁶ Закономерным следствием этого отхода стало появление весьма сомнительных концептуальных построений, основывающихся не на анализе фактического материала, а на обсуждении ранее высказанных в специальной литературе гипотез; см., например: Булавка Л. А. Социалистический реализм: Превратности метода. Философский дискурс. М., 2007. Подобные работы больше походят на аннотированные библиографии, а не на самостоятельные исследования сталинской культуры.

Н. Конрадова, монография Т. А. Кругловой «Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма» (Екатеринбург, 2005), были переведены работы Ш. Фицпатрик¹, напечатаны книга А. И. Куляпина и О. А. Скубач², местами спорный в методологическом отношении сборник статей В. Ю. Вьюгина «Политика поэтики: Очерки из истории советской литературы»³, активно публиковались историко-документальные исследования в серии «История сталинизма»⁴, готовились учебные пособия⁵ и т. д. Отдельно стоит упомянуть фундаментальное двухтомное исследование В. В. Петелина «История русской литературы XX века»⁶, которое явилось итогом многолетних историко-литературных и архивных разысканий автора. Между тем сомнителен тот ракурс, который автор выбирает для освещения весьма противоречивой культурной истории прошлого столетия, поэтому оба тома неоднородны в содержательном плане. Ценные и подчас весьма оригинальные наблюдения в них перемежаются псевдонаучными выкладками о великой тысячелетней культурной традиции России, о «коренной русской жизни» в духе почвеннического «юрордства», которым по сей день «славится» журнал «Наш современник». В 2015 году свет увидела книга О. И. Киянской и Д. М. Фельдмана «Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х — 1930-х годов», послужившая прологом к исследованию «Словесность на допросе: Следственные дела советских писателей и журналистов 1920–1930-х годов», увидевшему свет в 2018 году⁷. В этих работах внимание сосредотачивается на неочевидных контекстах сложных и подчас парадоксальных отношений советской власти и некогда «выброшенных» из историко-литературного процесса писателей.

Не менее значимым событием в области изучения культурной истории сталинской эпохи стало появление в 2011 году в издательстве Гарвардского

¹ См., например: *Фицпатрик Ш.* 1) Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е гг.: Деревня. М., 2001; 2) Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е гг.: Город. М., 2001; 3) Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX в. М., 2011.

² См.: *Куляпин А. И., Скубач О. А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.

³ См.: *Вьюгин В. Ю.* Политика поэтики: Очерки из истории советской литературы. СПб., 2014.

⁴ См., например: *Культура и власть в СССР. 1920–1950-е гг.: Материалы IX междунар. конференции.* М., 2017.

⁵ Так, на филологическом факультете МГУ было подготовлено несколько изданий, посвященных литературному процессу минувшего столетия, среди которых: *История русской литературы XX века. 20–50-е годы: Литературный процесс.* М., 2006; *История русской литературы XX века. 20–90-е годы: Основные имена.* М., 2008. В 2014 году в свет вышло двухтомное учебное пособие для бакалавров-филологов под редакцией Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской (см.: *Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х годов: В 2 т.* М., 2014). Этот учебник сразу же приобрел статус полноценного научного издания.

⁶ См.: *Петелин В. В.* 1) *История русской литературы XX века.* М., 2012. Т. 1: 1890-е гг. — 1953 г.; 2) *История русской литературы XX века.* М., 2012. Т. 2: 1953–1993 г.

⁷ *Киянская О. И., Фельдман Д. М.* 1) *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х — 1930-х годов: Портреты и скандалы.* М., 2015; 2) *Словесность на допросе: Следственные дела советских писателей и журналистов 1920–1930-х годов.* М., 2018.

университета работы К. Кларк «Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941», явившейся продолжением ее публикации 1995 года «Petersburg, Crucible of Cultural Revolution». Обе книги переведены на русский язык и опубликованы в 2018 году. В 2020-м в издательстве «Новое литературное обозрение» вышло двухтомное исследование Е. Добренко «Поздний сталинизм: Эстетика политики», общий объем которого составляет более полутора тысяч страниц. Такой масштаб позволяет слависту не только попытаться легитимировать применение им метода аналитики «политической тропологии соцреализма» (этот метод в зачаточном виде предложен уже в упомянутой монографии 1993 года, которая не случайно озаглавлена «Метафора власти»), но и на частных примерах проиллюстрировать ключевой аспект своего труда, состоящий в определении позднесталинского периода как времени создания «советского человека» и «советской нации» в целом. Большая форма дает читателю возможность ознакомиться с методом работы Добренко над материалом. Прочтение столь объемного труда на фоне множества ранее написанных исследований позволяет говорить, что ученый прибегает к приему компиляции фактов, ранее отмеченных в специальной литературе. Иначе говоря, «Поздний сталинизм» — в большей степени результат обобщения и систематизации материала, а не специальных разысканий в первоисточниках (как архивных, так и литературных). Приоритет в двухтомнике отдан историческому и социально-политическому планам¹, тогда как культура во многом мыслится как производная от идеологии. Почти полностью игнорирует Добренко и институциональную сторону культурного производства позднесталинского периода (о Сталинской премии говорится лишь в контексте обсуждения «Молодой гвардии»²). Новинками 2022 года стали книга А. Васькина «Повседневная жизнь советских писателей от оттепели до перестройки» (М., 2022), явившаяся своеобразным сиквелом к исследованию В. Антипиной 2005 года³, и внушительный том «Госсмех: Сталинизм и комическое» (М., 2022), написанный Е. Добренко в соавторстве с Н. Джонссон-Скрадоль и опубликованный сначала по-английски (New York, 2022), а затем и по-русски. Если первое исследование ориентировано на массового читателя и не претендует на статус научного, то второй труд представляет собой попытку

¹ О явном смещении интересов ученых в эту область говорит и появление перевода работы Ш. Фицпатрик 2015 года (см.: *Фицпатрик Ш.* Команда Сталина: Годы опасной жизни в советской политике. М., 2021).

² Интересно, что и в этом случае Добренко основывается на сборнике материалов по истории Сталинской премии, подробнее о котором мы еще скажем отдельно. Специальных разысканий в области истории институции исследователь не проводит, ограничиваясь трансляцией ранее полученных выводов и последующей их концептуализацией в нужном для подтверждения собственных идей направлении.

³ См.: *Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е гг. М., 2005. Монография Антипиной выросла из текста одноименной кандидатской диссертации, защищенной в ноябре 2005 года в МГПУ.

ученых осмыслить сталинскую культуру через трансформации комического и изменение функций смешного в сталинизме. Однако «Госсмех» лишен единого сюжета и является скорее тяготеющим к всеохватности и методологически разобренным «собранием пестрых глав», чем образцом многостороннего фундаментального исследования сталинской массовой культуры.

На фоне этого внушительного корпуса научных и кажущихся научными сочинений доля тех, которые имеют своим предметом соцреалистическое искусство как особый канон, оказывается едва ли не самой скудно представленной. Не изучена и институциональная сторона советского культурного производства. Предпринимаемые в актуальной литературе попытки анализа институционального комплекса сталинской культуры неудовлетворительны как с точки зрения скудности привлекаемых фактических сведений, так и с позиции методологии: доминирующим подходом оказывается «теория поля» П. Бурдьё, попросту не приспособленная для анализа тоталитарно ориентированной культуры¹. Закономерности, выведенные Бурдьё из анализа принципиально иной (!) историко-культурной ситуации, не работают на советском материале. Так, творческая репутация М. А. Булгакова не может быть объяснена в терминах «теории поля»: безусловно талантливый писатель, временами имевший возможность публиковать собственные тексты, — автор любимой пьесы Сталина, с которым он не только созванивался, но и, по воспоминаниям современников, встречался лично, тем не менее приобрел репутацию опального писателя, не став советским «классиком».

До сегодняшнего дня не становились предметом специального историко-литературного исследования «толстые» литературно-художественные журналы периода позднего сталинизма как институциональное ядро советской литературы. Вообще, издательский процесс сталинской эпохи изучен крайне слабо: современная наука обладает минимумом сведений об организации книгоиздания в СССР в 1930–1950-е годы². Такое положение объясняется не только банальной невозможностью сформировать представление о вышедшей в период сталинизма книжной продукции ввиду колоссальных объемов ее производства³, но и известной брезгливостью многих специалистов, с позиции

¹ См., например: Геллер Л., Боден А. Институциональный комплекс соцреализма // Соцреалистический канон: Сб. статей. СПб., 2000. С. 289–319. Критика подобного подхода предлагалась раньше и С. Ловеллом — см.: Lovell S. The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. New York, 2000. P. 18–24.

² Такое невнимание исследователей к производственной стороне вопроса выглядит по меньшей мере странным на фоне внушительного корпуса источников, которые начали появляться уже в 1950-е годы. Именно тогда выходят книга А. И. Назарова «Очерки истории советского книгоиздательства» (М., 1952), сборник документов «О партийной и советской печати» (М., 1954), появляются библиографические работы Н. И. Мацуева. Позднее появилось и справочное издание «Книгоиздание СССР: Цифры и факты. 1917–1987» (М., 1987).

³ Только за 1946–1947 годы в СССР было издано 47 000 наименований книг общим тиражом 905 000 000 экземпляров.

современности предпочитающих «высокую» (и зачастую непечатную) литературу «макулатуре» советских «классиков», печатавшейся тиражами в сотни тысяч экземпляров. В этом перекосе обнаруживает себя прагматически мотивированное нежелание понять культурную ситуацию первой половины прошлого столетия и, как следствие, определить эту «высокую» литературу как периферийную по отношению к сталинскому литературному проекту¹.

Это малозначимое для компаративистских опытов или штудий по теоретической или исторической поэтике обстоятельство оказывается ключевым для историко-литературных разысканий: появление текста в периодическом издании (в газете, «толстом» литературном журнале или альманахе) и тем более его последующее издание отдельной брошюрой/книгой в реалиях сталинской эпохи оказывались фактами, свидетельствовавшими о признании автора писательским и партийным истеблишментом. Наиболее осмысленным на сегодняшний день оказывается лишь один из фрагментов этой большой темы — цензура и репрессивные механизмы недопущения «вредоносных» текстов до части читательской публики, чей круг чтения не определялся приматом «снабжения» и формировался, насколько это позволяла обстановка, самостоятельно. Однако и эта волнующая умы ученых тема разрабатывается лишь в тех направлениях, которые затрагивают «большие имена»; вопросы же, связанные с практиками производства и распределения печатной продукции, оказываются вне поля зрения специалистов.

Исследования последних лет значительно сузили поле советской литературы как объект изучения, превратив в набор имен, случаев и редких контактов: фокус на периферийных для культурной обстановки первой половины прошлого столетия фактах сделал возможной ситуацию, когда из пространства художественной жизни исключаются центральные явления, а интересующие ученых сюжеты «вынимаются» из *нелитературного* окружения и komponуются в последовательно организуемые изолированные ряды или альтернативные «соцреалистической доктрине» потоки. Вместе с тем советская литература, если понимать ее как все, что написано и опубликовано советскими писателями (то есть членами писательских организаций всех уровней), существовала именно в пространстве *печатного* литературного процесса. Куда больше исследователей привлекают другие связанные с культурным производством сталинизма

¹ Убедительнее всего о действительной расстановке сил на культурном поле тех лет позволяют судить письменно зафиксированные читательские отклики. 1 ноября 1958 года в «Литературной газете» (№ 131 (3942)) в разделе «Гнев и возмущение: Советские люди осуждают действия Б. Пастернака» под заголовком «Лягушка в болоте...» было опубликовано письмо старшего машиниста экскаватора Филиппа Васильцова из Сталинграда. В нем «возмущенный читатель» с вполне искренним, как кажется, недоумением отметил: «Газеты пишут про какого-то Пастернака. Будто бы есть такой писатель. Ничего о нем я до сих пор не знал, никогда его книг не читал. А я люблю нашу литературу — и классическую, и советскую. Люблю Александра Фадеева, люблю Николая Островского. <...> С детства читаю и люблю Михаила Шолохова. <...> А кто такой Пастернак?» (С. 3).

проблемы: вопрос о содержании термина «социалистический реализм»¹, соотношение соцреалистического текста и действительности (проблема так называемого «соцреалистического мимесиса»)², трансформация отдельных жанровых структур³, отражение и реактуализация официальных культурных практик сталинизма в более поздние исторические периоды⁴ и др. Исходя из невозможности даже вскользь упомянуть каждое исследование, мы ограничимся приведенным выше перечнем работ, а также отметим, что качественные и интересные тексты (мы старались сосредоточиться именно на них) составляют меньшинство написанного о сталинской культуре, тогда как подавляющее большинство работ отмечено тривиальностью выводов, скудностью фактических и библиографических сведений и научным провинциализмом.

В 2009 году Х. Гюнтер, чьи труды стоят у истоков осмысления феномена соцреалистического канона, в статье «Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи»⁵ охарактеризовал некоторые работы, с его точки зрения стоявшие у истоков «критического осмысления ушедшей сталинской эпохи» с позиции ее культурной обособленности, тяготения к оформлению в иерархически организованное целое. Эта отнюдь не единственная работа, содержащая анализ текстов об искусстве сталинского периода советской истории⁶, ценна для нас именно тем, что в ней выразилось стремление автора

¹ См., например: *Добренко Е. А.* Стилевое подсознательное соцреализма // *Русская литература XX в.: Направления и течения.* Екатеринбург, 1998. Вып. 4. С. 128–141; *Ревякина А. А.* «Социалистический реализм»: К истории термина и понятия // *Россия и современный мир.* 2002. № 4. С. 102–114; *Захаров А. В.* К вопросу о возникновении термина «Социалистический реализм» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2006. № 1. С. 107–118; *Литовская М. А.* Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод // *Филологический класс.* 2008. № 19. С. 14–21.

² См.: *Добренко Е. А.* Соцреалистический мимесис, или «Жизнь в ее революционном развитии» // *Соцреалистический канон.* С. 459–471; *Гаспаров Б. М.* Социалистический реализм в метафизическом измерении: (Возможна ли ложь художественного вымысла?) // *Новое литературное обозрение.* 2017. № 1 (143). С. 66–77.

³ См.: *Добренко Е. А.* Судный день русской литературы. Пост-классический роман: Канон и трансгрессия // *Филологический класс.* 2020. Т. 25. № 3. С. 9–22.

⁴ См.: *Прохоров А.* Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «Оттепели». СПб., 2007; *Сухих С. И.* Эволюция доктрины соцреализма во 2-й половине XX в. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2013. № 2–1. С. 300–305 (эта статья, помимо методологической ущербности, характеризуется и наличием банальных фактических ошибок, одна из которых, например, связана со временем публикации эссе Терца «Что такое социалистический реализм»).

⁵ См.: *Гюнтер Х.* Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи // *Новое литературное обозрение.* 2009. № 1 (95). С. 287–299.

⁶ Наряду с текстом Гюнтера следует также упомянуть и о других обзорных работах; например: *Янковская Г. А.* Изобразительное искусство эпохи сталинизма как проблема современной российской и зарубежной историографии // *Вестник Пермского университета.* Серия: История. 2007. № 3 (8). С. 128–136; *Добренко Е. А.* 1) О советских сюжетах в западной славистике // *СССР: Жизнь после смерти.* Сб. статей. М., 2012. С. 27–34; 2) *Читая сталинизм: Сталинская культура как исследовательское поле* // *Новое литературное обозрение.* 2022. № 6 (178). С. 104–124. *Цыганов Д. М.* Интеллектуальная история литературы сталинизма: Библиографический обзор // *Летняя школа по русской литературе.* 2022. Т. 18. № 1. С. 107–126;

к обобщению и систематизации опыта (преимущественно западных славистов) изучения советского культурного канона. Отчасти охарактеризованное выше колоссальное количество разысканий в частных областях сталинской соцреалистической культуры вполне отвечает логике, сформулированной М. Чудаковой в статье 1998 года. В ней литературовед указывает на то, что «анализы [отдельных литературных текстов] предельно — вернее, беспредельно — детализировались; они бывают очень интересны (как и совсем неинтересны), попадают доказательные и убедительные, но они не отвечают на основные вопросы — хотя бы потому, что их не ставят»¹. Между тем одним из этих «основных вопросов» является вопрос о методе исследования канона соцреализма, о той теоретической логике, благодаря которой отдельные сюжеты смогут преодолеть рубеж иллюстративности и сами по себе приобретут качество объясняющих специфику культурной динамики 1930–1950-х годов. Важность этого вопроса первостепенна еще и потому, что наблюдаемое сегодня «растекание» научного знания в подавляющем большинстве случаев имеет произвольный характер, когда каждая новая работа все больше усложняет, декомпозирует и все меньше проясняет картину литературного процесса эпохи сталинизма. Наиболее последовательным и вполне отвечающим специфике ситуации, сложившейся в Советском Союзе в период сталинского правления, оказывается метод, предполагающий рассмотрение сферы соцреалистического культурного производства как совокупности прихотливо взаимодействующих *институциональных* механизмов формирования и трансляции текстового канона соцреализма².

На сегодняшний день не возникает сомнений в необходимости преодолеть стагнацию в изучении официальной советской культуры сталинизма, которая возникла в гуманитарной науке в связи с появлением в начале 2000-х годов работ, монополизировавших эту область культурной истории. Поэтому особенно важным оказывается поиск нового подхода к исследованию институциональных механизмов, структурировавших поле соцреалистической культуры, определявших его центр и периферию.

Сложилось так, что в отечественной и зарубежной науке о литературе наибольший интерес для исследователей традиционно представляют именно *негативные* санкции власти, адресуемые писателям, поэтам, драматургам и другим участникам литературного производства. Не представляется возможным

¹ Чудакова М. О. Русская литература XX в.: Проблема границ предмета изучения // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Тарту, 1998. Т. 6. С. 193.

² Об осознании перспективности институционального метода в изучении советского официального искусства говорит появление в западной славистике работ, посвященных ключевым институтам культурного производства сталинизма. См., например: *Tomoff K. Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953*. New York; London, 2006; *Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*. London, 2016; *Any C. The Soviet Writers' Union and Its Leaders: Identity and Authority under Stalin*. Evanston, 2020 (см. рецензию Добренко: *Добренко Е. А. От истории литературных институций к институциональной истории литературы // Новое литературное обозрение*. 2022. № 3 (175). С. 229–231).

сегодня даже подсчет работ, полностью или частично посвященных, например, случаям О.Э. Мандельштама или М.А. Булгакова, травле Б.Л. Пастернака или печально известному ждановскому постановлению 1946 года¹. Несомненно, ряд имен и случаев может и должен быть продолжен; об осознании этой необходимости специалистами говорят многочисленные труды и публикации последних лет². Н.А. Богомолов в статье, посвященной вопросам периодизации и специфики русского литературного процесса первой половины XX века, пишет о необходимости обращения к «литературному быту»³ при построении истории литературы прошлого столетия: «...награждение орденами, премии (особенно сталинские) <...> вообще экономическое положение писателей и т.п.»⁴. Однако рассуждает он об этом обращении как о периферийном (если не факультативном) в вопросе создания «общей картины исторического развития русской литературы после 1917 года», отдавая предпочтение задаче изучения «противостояния [власти] отдельных личностей»⁵. Между тем рассмотрение подобных разрозненных взаимодействий писателей и власти на общем фоне литературного процесса не позволяет прийти к выводам, в полной мере характеризующим то влияние, которое эти сфабрикованные дела и срежиссированные кампании оказывали на складывание литературного канона официального искусства сталинизма. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело именно с частными аспектами творческой биографии отдельно взятого автора, которые, конечно, влияли на своеобразие литературного процесса сталинской эпохи, но отнюдь не обуславливали его специфику. Вместе с тем писатель, не имевший возможности публиковать собственные тексты и, как следствие, напрямую контактировать с потенциальным потребителем этих текстов, исключался из литературного производства. Говорить о «значимом отсутствии» можно и нужно, но не в тех случаях, когда речь идет о формировании литературного канона или читательского сознания. Анализ же

¹ О предыстории ждановского доклада в августе 1946 года подробнее см.: *Бабиченко Д.Л.* 1) Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // *Вопросы литературы.* 1993. № 3. С. 201–214; 2) *И. Сталин: «Доберемся до всех»* (Как готовили военную идеологическую кампанию 1943–1946 гг.) // *«Исключить всякие упоминания...»: Очерки истории советской цензуры.* М., 1995. С. 139–188.

² Среди них следует упомянуть отдельные тома из серии «История сталинизма» (РОССПЭН), работы К.М. Азадовского, М.М. Голубкова, Н.А. Громовой, Е.А. Добренко, Н.В. Корниенко, Н.М. Малыгиной, Г.А. Морева, Б.М. Сарнова, Р.Д. Тименчика, Д.М. Фельдмана, Л.С. Флейшмана, Б.Я. Фрезинского, а также труды многих других исследователей, чья деятельность по большей части связана с изучением и публикацией архивных материалов (П.А. Дружинин, М.Н. Золотоносов и др.).

³ Подробнее о специфике этой аналитической категории, ставшей одной из важнейших для позднеформалистской литературной теории, см.: *Зенкин С.Н.* Открытие «быта» русскими формалистами, [2000] // *Зенкин С.Н. Работы о теории.* М., 2012. С. 305–324.

⁴ *Богомолов Н.А.* Несколько размышлений по поводу двух дат в истории русской литературы советского периода // *Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии.* М., 2004. С. 265.

⁵ Там же.

«эволюции литературного ряда» (по Ю.Н. Тынянову) неуклонно сопрягается с анализом того влияния, которое *печатный литературный процесс* оказывает на «массового читателя». (Не стоит, думается, лишний раз повторять, что степень воздействия на читательское сознание печатного текста многократно весомее и объемнее, чем текста непечатного.) В свете этого куда более приоритетное положение в системе литературного производства сталинской эпохи занимали *положительные* санкции власти¹, потому как именно они не только «размечали литературный поток, сортировали множество образцов, бесперебойно поступающих на литературный рынок, а тем самым ориентировали, структурировали *литературное и читательское сообщество*»², но и непосредственно определяли общий характер соцреалистического канона, формировали категорию читательского вкуса, обуславливали и предопределяли стратегии и направления его развития и эволюции. Главным институтом в системе литературного производства начала 1940-х — середины 1950-х годов, работа которого была связана с осуществлением не *репрессивной*, а, наоборот, *поощрительной* деятельности, становится Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства.

* * *

Институт Сталинской премии не был упорядоченной и стабильной структурой. Дело в том, что характер его функционирования определялся правительственными распоряжениями, которые Центральный комитет партии ежегодно спускал в Комитет. Кроме того, вплоть до конца 1940-х эксперты не выработали строго определенный порядок осуществления собственных обязанностей

¹ К сожалению, этот аспект темы взаимодействия писателей и советской власти практически не разработан в отечественном литературоведении, не говоря уже о западной славистике. Несколько иное положение дел мы можем констатировать для историографии: исследовательское направление, в центре внимания которого находится повседневная жизнь сталинской эпохи, характеризуется большей степенью изученности темы положительных социально-политических практик; см. подробнее: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: Политика и повседневность 1945–1954. М., 2000; *Советская жизнь. 1945–1953.* М., 2003; *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е гг. М., 2008; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010; *Невежин В. А.* 1) Застолья Иосифа Сталина. Книга первая: Большие кремлевские приемы 1930-х — 1940-х гг. М., 2019; 2) Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая: Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы»). М., 2019; 3) Застолья Иосифа Сталина. Книга третья: Дипломатические приемы 1939–1945 гг. М., 2020; Социальная политика СССР в послевоенные годы, 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020; *Коенкер Д.* СПАСИБО партии: Отдых, путешествия и советская мечта. СПб., 2022.

² *Дубин Б. В., Рейтблат А. И.* Литературные премии как социальный институт, [2006] // Дубин Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. С. 218. Курсив в цитате авторский. Общий механизм, описанный в цитируемой статье, может быть применен (с некоторыми, иной раз существенными и принципиальными, поправками) к анализу культурной ситуации позднего сталинизма, несмотря на то что она не предполагала существования литературного рынка в том смысле, в каком о нем пишут Б. Дубин и А. Рейтблат.

и поэтому руководствовались внутрикомитетскими договоренностями. С изменением этих договоренностей закономерно менялись и процедуры выдвижения, рассмотрения и премирования кандидатур. Это обстоятельство прямо повлияло на бюрократическое обеспечение работы Комитета: с принятием очередных постановлений секретариату приходилось изобретать новую адекватную форму учета необходимой информации, а также документально сопровождать многочисленные инициативы экспертов. Этим и объясняется неупорядоченность, свойственная архивному фонду Комитета по Сталинским премиям. Даже если мы будем исходить из самоочевидной версии о том, что некоторые документы попросту могут быть утерянными, нам так или иначе придется констатировать беспорядочное ведение документооборота: во все годы велись стенограммы пленарных заседаний Комитета, но не во все годы специально готовились протоколы этих заседаний; практика стенографирования и протоколирования секционных заседаний была отлажена только в последние годы существования Сталинской премии¹ (до этого мы имеем лишь косвенные и весьма обрывочные свидетельства о том, как проходили обсуждения вне пленумов); полные списки рассмотренных произведений с указанием выдвинувших организаций начали формироваться только с 1945 года². Лишь с 1952 года рецензирование критической литературы стало постоянным (то есть осуществлялось систематически вплоть до 1954 года); аннотирование³ же художественной литературы приобрело системный характер только в 1953 году. С известным пренебрежением члены Комитета относились к формированию личных дел кандидатов на премии; об этом — далее.

Все это не могло не повлиять на выбор тех аналитических стратегий, которые мы с разной степенью интенсивности реализуем в этом исследовании. Однако все они подчинены представлению о релевантности применения *динамического метода* для описания функционирования Сталинской премии в контексте культурной политики сталинизма и в качестве ключевого механизма, посредством которого в 1940-е — начале 1950-х годов формировался соцреалистический канон. Основанием применения такой подвижной теоретической рамки стала отнюдь не невозможность подчинить множество разнородных фактов единой

¹ В архивном фонде сохранились протоколы заседания литературной секции Комитета только за март 1946, февраль 1948 (и один протокол за декабрь 1947), декабрь 1949, январь 1951, а также за октябрь — декабрь 1952 и январь — февраль 1953 года. Стенограммы заседаний литературной секции сохранились лишь за октябрь — декабрь 1952, январь — февраль 1953 и январь — март 1954 года.

² Списки включали все представленные на Сталинские премии за 1943–1944 годы произведения, которые Комитет рассмотрел в 1944–1945 годах (списки по разделу литературы см.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 18–27).

³ За подготовку аннотаций отвечала Е. Ф. Книпович, устроенная в Комитет на должность секретаря литературной секции. Эти аннотации представляли собой маленькие тексты (5–8 строк, однако иногда их размер достигал целой страницы машинописного текста), заверенные подписью автора (см.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 2. Ед. хр. 15, 36).

схеме, реализовать так называемый принцип генеральной линии, а, напротив, отсутствие потребности намеренно скрывать противоречия. Именно в этих противоречиях и внутренних эстетических конфликтах состояла специфика сталинской культуры, которая в конечном счете уподобилась уроборосу. Поэтому задачей книги стало создание исторически достоверной и максимально детализированной картины происходившего в те годы. Читатель по ходу знакомства с настоящей книгой не обнаружит в ней последовательно реализующуюся схему механического описания всех 14 лет работы Комитета по Сталинским премиям. В каждой главе аналитический фокус будет смещаться на отдельные подробности, важные для понимания культурно-идеологической обстановки той эпохи.

Основным принципом исследования стал подробный анализ первоисточников (как архивных, так и печатных). Привлекаемые в работе литература и источники призваны не столько проиллюстрировать, сколько выявить и объяснить специфику литературного производства сталинской эпохи. Архивные и печатные источники распределены по группам, первая из которых связана с проблемой соцреалистического канона (она охарактеризована выше), а вторая — с работой институции Сталинской премии (ее характеристика приводится в соответствующем разделе далее). Цитаты приводятся без нормализации, с сохранением орфографических, пунктуационных и графических особенностей первоисточника. Все вписывания, вычеркивания и исправления отражены либо при наборе, либо в сопроводительном комментарии к цитате. Литература и источники на иностранных языках цитируются в нашем переводе без дублирования текста на языке оригинала.

Это исследование имеет принципиально *открытую структуру*. Взаимодействие и нередко полемика с предложенными ранее точками зрения, с одной стороны, выявляют проницаемость и слабую предметную очерченность проблемы культурной политики сталинизма, а с другой — если не указывают на вероятный путь решения вопроса об описании канона соцреалистического искусства в русском XX веке, то обнаруживают необходимость поиска отличных от ныне имеющихся принципов и стратегий анализа, на которых это описание может быть основано. Вместе с тем структура книги определена нашим представлением о том, каким образом функционировала культурная индустрия в 1940–1950-е годы и как ее работа сказывалась на характере сталинского эстетического канона. *Видимость того, что в эпоху позднего сталинизма литературный процесс характеризовался полным отсутствием развития, обманчива, так как в отношении к этому периоду следует говорить о динамике иного порядка — не эволюционной, а накопительной.* Динамика проекта «многонациональной советской литературы» стала главным свидетельством порочности сталинского диалектического постулата: четвертьвековой этап неумолимого количественного разрастания привел не к «качественному скачку», а к демонтажу соцреалистического канона. Книга предварена введением,

в котором пока что в общих чертах охарактеризованы основные параметры этого канона и предложен подробный библиографический обзор источников по заявленной теме. Основная часть исследования состоит из семи глав и условно распадается на два раздела, первый из которых (первая — пятая главы) посвящен собственно истории института Сталинской премии по литературе, а второй (шестая и седьмая главы) связан с проблемой сталинского эстетического канона. Деление работы на главы призвано выразить методологическую установку исследования: главы с первой по пятую организованы в хронологической последовательности и посвящены не только деталям работы Комитета по Сталинским премиям и нюансам присуждения высших советских наград, но и тем ключевым тенденциям, которые закреплялись в советском культурном поле, накладывались друг на друга и в итоге определяли облик соцреалистического литературного проекта; шестая глава описывает собственно культурную обстановку позднего сталинизма, сосредотачивается на механизмах структурирования литературного поля и складывания соцреалистического канона; седьмая глава, фокусируясь на анализе институционального облика международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», описывает специфику функционирования соцреалистической литературной продукции в культурном пространстве сталинского СССР и за его пределами.

К основному тексту примыкают четыре приложения:

- 1) сводная таблица выданных премий по всем областям искусства за 1934–1951 годы;
- 2) состав Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства (1940–1954);
- 3) сводная таблица лауреатов Сталинской премии по литературе (1940–1953);
- 4) С. И. Сталина. Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе (М., 1954).

* * *

Я выражаю глубокую признательность Ирине Прохоровой, любезно предложившей опубликовать настоящее исследование в «Новом литературном обозрении». Я благодарен Татьяне Тимаковой — чуткому и отзывчивому редактору этой книги. Спешу поблагодарить и тех, кто всячески помогал мне и поддерживал меня в работе над рукописью, — Дмитрия Белкина, Михаила Голубкова, Елену Лурье (Бирюкову), Марию Михайлову, Анну Михалеву, Марию Руденко, Ирину Синепупову, Владимира Турчаненко, Андрея Устинова, Лазаря Флейшмана, Анну Юрьеву и многих других друзей и коллег, чью помощь невозможно переоценить. Отдельная благодарность — сотрудникам всех архивохранилищ, где мне представилась счастливая возможность работать. Словом, я благодарю всех причастных к появлению этой книги сейчас...